

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В НОВГОРОДЕ

На смену Сергию в Новгород был прислан архиепископ Чудовский архимандрит Геннадий. Будучи ставленником Москвы, Геннадий не относился к Новгороду как москвич, но и в отношениях с Москвой не был новгородцем. Он не оскорблял местного патриотизма, отдавал должное новгородским обычаям и традициям, если они не противоречили московской политике, и вместе с тем исподволь вводил общерусские порядки. Однако и этим методам Геннадий встретил сопротивление, которого не предвидел и значение которого было на первых порах далеко не ясно для самой Москвы.

* * *

В конце XV в. большинство русского населения ожидало «конца мира» в 7000 (1492) году. Ожидание это вызывалось особенно значимостью для средневекового мировоззрения числа семь: по толкованиям богословов семь дней творения богом мира соответствовали семи тысячелетиям его существования, и в 7000 г. должно было наступить светопреставление. Слухи о наступающем конце мира были широко распространены в Новгороде, где они поддерживались еще грозными для новгородцев событиями последних лет. Одна из новгородских пасхалий, доведенная только до 7000 г. от «сотворения мира», заканчивалась следующими словами: «зде страх, зде скорбь... в сие лето чаем и всемирное твое пришествие». Сам архиепископ Геннадий был заражен этими настроениями и во время крестных ходов по Новгороду пел акафисты о страшном суде. В послании к Иоасафу Ростовскому Геннадий с чувством спасения писал: «прейдут три лета, кончается седмая тысяща».

Все эти ожидания сеяли панику, но вместе с тем пробуждали и скептицизм. В то время как некоторые новгородцы покорно ждали конца мира, другие занимались светскими науками, свободно обсуждали вопросы религии и государственного устройства.

Разразившиеся в конце XV в. события показали, что это движение вольнодумцев, ставшее особенно опасным после того, как ожидания кончины мира не исполнились, могло потрясти Русское государство в большей мере,

чем военные столкновения с Новгородом. Вооруженное сопротивление московскому войску, сменившееся идеологическим сопротивлением московским церковным обычаям, превратилось затем в сопротивление церковности вообще, вылилось в антицерковное движение «жидовствующих».

Насколько можно судить по дошедшим памятникам литературы «жидовствующих», движение это не было ересью в собственном смысле этого слова. Это была не столько «богословская ересь», сколько идейное антиклерикальное течение гуманистического характера.

Новгород всегда был на Руси центром всякого нарушения церковных порядков и неоднократно вызывал пространные увещевания митрополитов. В XIV в. здесь прочно свила себе гнездо пришедшая из Пскова ересь стригольников. Здесь постоянны были колебания между московским митрополитом и литовским митрополитом-униатом.

О возникновении движения «жидовствующих» полнее всего рассказывается в «Просветителе» Иосифа Волоцкого. Иосиф Волоцкий выразил, однако, тенденциозный официальный взгляд и всячески стремился опорочить движение. Иосиф возводит возникновение ереси к 1470—1471 гг., когда в Новгород приезжал литовский князь Михаил Олелькович. Приглашение Михаила Олельковича было, как известно, с московской точки зрения самым крупным из преступлений новгородцев. С этим литовским князем, утверждает Иосиф, приехал в Новгород и еврей Схария, от которого якобы и пошла ересь. Схария совратил в еретичество попа Дионисия, Дионисий привел к нему попа Алексея. И Дионисий и Алексей хотели якобы совершить обрезание, но Схария запретил им это, велел соблюдать ересь в тайне. На помощь Схарии явились вскоре и иные евреи: Иосиф Шмойло Скарявей и Моисей Хануш.

Сведения Иосифа подозрительно противоречивы. Схария, склонив Алексея и Дионисия в иудейскую религию, запрещает им совершить обрезание! Странно и то, что «еретики» не отказывались от священства, продолжая служить в храмах. Вряд ли можем мы предположить вместе с Иосифом, что это делалось ими из одного лишь коварства. Иосиф явно стремится всячески опорочить движение и использует традиционные приемы, связывая измену вере с изменой родине, и с легкостью, обычной в московской практике и последующих веков, причисляет «жидовствующих» к «еретикам».

Таким образом, самое появление движения окутано тайной.

Не менее противоречивы сведения и о сущности «жидовства». Геннадий видел в нем ереси «маркианскую» и «мессалианскую», Иосиф находил в нем «ереси многи» и т. д. Не согласуются известия об ереси и в другом. Так, например, в «Просветителе» Иосиф указывает, что сам митрополит Зосима отрицал загробное существование: «А что то царство небесное, а что то второе пришествие, а что то воскресение мертвых, — ничего того несть, умерло кто — он по та места и был», а в другом месте говорится о том, что «жидовствующие» не признавали служб по умершим, так как праведники спасутся и без того, то есть все же признавали загробное существование. По некоторым известиям, «жидовствующие» отрицали поклонение иконам, кро-

ме иконы Христа, по другим же известиям — отрицали в Христе божественное начало и, следовательно, вряд ли могли выделять почитание его иконы. Наконец Иосиф Волоцкий обличал еретиков в отрицании догмата о троичности бога и, вместе с тем, счел почему-то необходимым в своем «Просветителе», направленном против «жидовствующих», доказывать неверность католического учения об этой троичности.

Вместе с тем косвенно мы находим все же и в посланиях Геннадия и в том же «Просветителе» Иосифа многое, отражающее действительное направление умственного течения «жидовствующих». Так, например, мы узнаем, что «жидовствующие» усиленно занимались астрологией, логикой, нападали на Ефрема Сирина за картину второго пришествия и т. д. По-видимому, движение «жидовствующих» было движением свободомыслящих, связанным своим происхождением с отголосками гуманистического течения на Западе, возможно — через литовских евреев. Отдельные представители этого движения по-разному углублялись в это свободомыслие и тем давали повод к противоречиям в характеристике «жидовства».

С движением «жидовствующих» связывается целый ряд западнорусских рукописей XV и XVI вв., гуманистический характер которых выражен более или менее ярко либо в самом изложении, либо в выборе темы, характерной для эпохи Рейхлина и Эразма.

Обнаружить эти рукописи удалось в конце XIX и начале XX в. по тем указаниям, которые дали на литературу «жидовствующих» противники движения Геннадий и Иосиф Волоцкий. Последние упоминают «Шестокрыл», «Логику», особую Псалтырь, сочинения астрологического и чернокнижного характера и др.

«Шестокрыл» представляет собою рукопись астрологического содержания, автором которой был еврей Иммануэль-бар-Якоб, живший в XIV в. в Италии. Она явилась плодом того увлечения астрономией и астрологией, которое было характерно для Италии XIV в. Перевод «Шестокрыла» отражает общий гуманистический интерес «жидовствующих» к астрономии и имел существенное значение в опровержении мнения о грядущей кончине мира в 7000 (1492) году. В «Шестокрыле» имелся ряд указаний о том, как вычислять новолуния, затмения солнца (так пугавшие новгородцев) и т. д. Язык перевода — белорусский, с немногими еврейскими терминами (например, в названиях знаков зодиака).

По-видимому, мы должны представить себе движение «жидовствующих» как умственное направление, лишенное стройности и единой концепции. Это было движение гуманистического характера, захватившее по преимуществу лишь образованные круги Новгорода и Москвы. Движение не затронуло низов населения, оставаясь, в сущности, так же, как и течение гуманистов на Западе, чисто «интеллигентским», доступным для немногих. Социальное значение движения невелико и противоречиво: в Новгороде «жидовствующие» противодействовали Геннадию, то есть московской церкви, и были, очевидно, связаны с литовской партией, а в Москве литература «жидовствующих» служила делу боярской партии. Вместе с тем движение «жидовствующих»

имело серьезное прогрессивное значение, будя мысль, вводя в круг образованности новые книги, создав в конце XV — начале XVI в. большое умственное возбуждение.

Закончилась «ересь» трагически. Иван III, пользовавшийся вначале «жидовствующими», так же как впоследствии заволжскими старцами, для устрашения и некоторого нажима на церковь, достигшую в XIV—XV вв. чрезвычайной влияния, в конце концов переменил свою политику. На соборе 1490 г. «жидовствующие» были преданы проклятию. В 1504 г. собор снова осудил «жидовствующих», и некоторые из них, по примеру испанских инквизиционных расправ с еретиками XV в., были казнены.

Ближайшим последствием «ереси» для Новгорода было возобновление литературной деятельности владычного двора. Геннадий не только сам был опытным литератором и полемистом, но и умел концентрировать вокруг себя книжников. По заказу Геннадия в 1489 г. грек Дмитрий Трахониот составляет справки «О летах седьмой тысячи» в опровержение мнений о конце мира в 7000 (1492) году. В 1490 г. в Новгороде были записаны «Речи посла цесарева» (Георга фон Турна), рассказывавшего об испанской инквизиции и о способах борьбы с еретиками. Специальные богословские заказы делаются проживавшему в Новгороде доминиканцу Вениамину. Приезжает в Новгород и знаменитый любекский типограф Варфоломей Готан. Ряд поручений¹ выполняет для Геннадия один из самых образованных русских людей XV в. — Дмитрий Герасимов. Заказы даются в Рим Дмитрию и Мануилу Ралеви. От эпохи Геннадия дошло пособие для изучения латинского языка (латинский текст Псалтыри с междустрочными пропусками для заполнения переводом). Геннадий проектировал особые школы и т. д.

Наконец, самым большим из литературных предприятий Геннадия следует признать составление грандиозного, первого на славянских языках свода библейских книг — так называемой Геннадиевской библии 1499 г.

Геннадий собрал тексты библейских книг по русским библиотекам, из которых важнейшей была чрезвычайно богатая библиотека Софии в Новгороде. Кроме того, Геннадий пополнил свой текст переводами из латинской библии Иеронима (IV в.). Геннадиевский текст лег в основу первой на славянском языке печатной библии XVI в., так называемой «Острожской». По выражению исследователя Геннадиевской библии Евсеева: «Геннадиевский свод славянской Библии 1499 года был средоточием и высшим завершением всей библейской деятельности на славянской почве у южных славян и у русских»².

¹ Переводы сочинений Николая де Лиры.

² «Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г.», т. II, 1916, стр. 16.